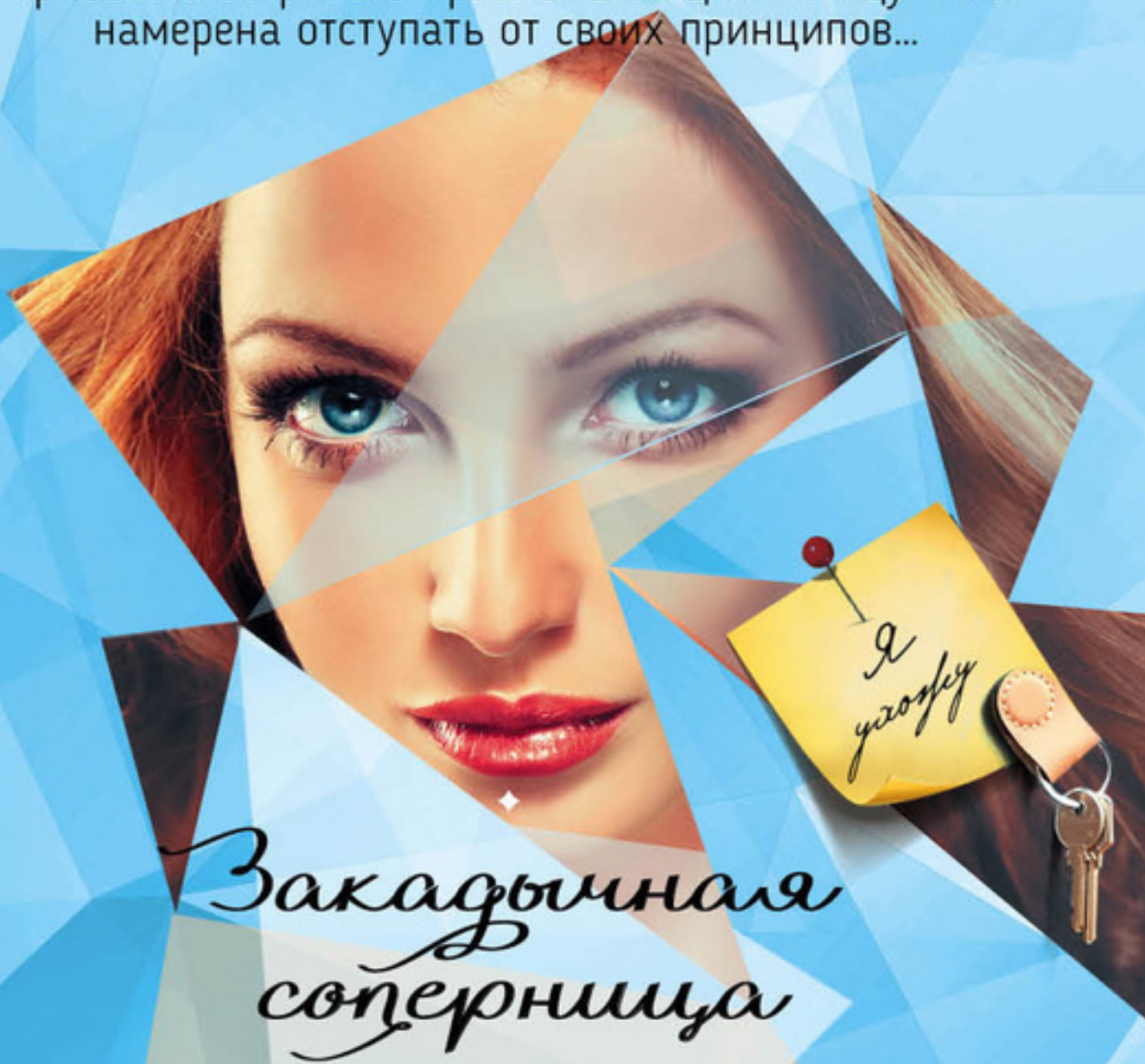

Современная криминальная мелодрама

Елена Гордина

Ей гораздо выгоднее считаться погибшей, но она привыкла встречать проблемы лицом к лицу и не намерена отступать от своих принципов...

Современная криминальная мелодрама

Елена Гордина

Закадычная соперница

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гордина Е.

Закадычная соперница / Е. Гордина — «Эксмо»,
2017 — (Современная криминальная мелодрама)

ISBN 978-5-699-97365-1

Елена Голубева счастлива – добилась всего, о чем мечтала! Она едет вместе со своим шефом и по совместительству женихом – главврачом крупного медицинского центра Виктором Ждановым – на морской курорт! Но насладиться отдыхом в роскошном пятизвездочном отеле они не успевают – происходит теракт, в результате которого Елена надолго остается в местном госпитале, а ее имя по ошибке попадает в список погибших. Когда же после многих испытаний девушка наконец возвращается в родной город, выясняется, что ее никто не ждет – близкие люди оказываются ее злейшими врагами, а вокруг сплетается клубок страшных преступлений. Елена понимает, что ей гораздо выгоднее считаться погибшей, но она привыкла встречать проблемы лицом к лицу и не намерена отступить от своих принципов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97365-1

© Гордина Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	28
Глава 13	31
Глава 14	33
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Гордина

Закадычная соперница

© Гордина Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть 1

Голубева повернула ключ в замке и вошла внутрь. Специфический больничный запах, который невозможно вывести никакими новомодными ароматизаторами воздуха, неприятно ударил в нос. Елена поморщилась, набрала код, отключила сигнализацию и, не раздеваясь, последовала в кабинет главного врача. Лечебно-диагностический центр «Первая помощь» располагался в центре города и имел хорошую посещаемость, поэтому Елена открывала Центр на час раньше рабочего времени, чтобы подготовить и привести в действие все необходимое оборудование. Голубева проверила сервер, включила центральный компьютер и, пока он загружался, села на место главного врача. Виктор Сергеевич Жданов приезжал на работу позже, и Голубеву это слегка раздражало, тем более что просыпались они с Виктором в одной постели, а в офисе она появлялась на час раньше. Чтобы как-то скоротать время, Голубева сбросила шубку и сварила себе кофе, а затем включила телевизор. Показывали «Новости», и Елена невольно прислушалась:

– Вчера в супермаркете «Оазис» неизвестный мужчина застрелил восемь человек и тяжело ранил четверых. Причины преступления остаются неясными. Просьба случайных свидетелей позвонить по телефонам, которые вы видите на экране. Место нахождения преступника до сих пор неизвестно.

Голубева вздрогнула и пролила несколько капель кофе на белоснежную блузку.

– Все, день не заладился, – пробормотала она и, мельком взглянув на фоторобот преступника, выключила телевизор. Настроение было безнадежно испорчено.

– Леночка! Ты где? – пришла Ирина, первый лаборант.

– Иришка, да здесь я! – крикнула Голубева в закрытую дверь и включила центральный свет. – Я у Жданова в кабинете.

– Оцени, – Ирина заглянула в кабинет, сняла шапку и тряхнула головой. – Ну как?

– Подкрасилась? – ахнула Голубева и рассмеялась. – Лисонька ты наша!

– Иди ты к черту! – огрызнулась Ирина. – Мне и самой не нравится.

– Да хорошо тебе! – запротестовала Лена. – Только непривычно как-то. Ирина – и рыжая.

– Ага, – Ирина вышла в приемную и забросила шубку в шкаф. – Что-то надоело все. Решила имидж сменить.

– И правильно! – Елена последовала за ней. – Я люблю это дело. Знаешь, говорят, если женщина меняет прическу, значит, она скоро сменит и мужчину.

– Вполне возможно, – туманно проговорила Ирина, застегивая пуговицы белого халата. – А ты не собираешься? – она подмигнула.

– Нет, – Голубева мотнула головой. – Ни за что! Кстати, Иришка, посмотри в соннике.

– Опять снились розы? – Марианна Вильгельмовна отряхивала дубленку возле двери. – Ох, девчонки, мне бы ваши проблемы!

Елена переглянулась с Ириной и молча пожала плечами.

– Почему она нас зовет «девчонками»? – Ирина сделала большие глаза. – Мы с ней, например, вообще ровесницы.

– Да прекрати ты! – не поверила Голубева. – Чего придумываешь?

– Да правду я тебе говорю! – Ирина вышла к Марианне. – Марианна Вильгельмовна, если не секрет, сколько вам лет?

– Тридцать девять, – коммерческий директор пыталась раскрутить шарф, покрывающий ее голову подобно чалме. – А что?

– Ого, – удивилась Елена, – я ей «полтинник» давала, – страшным шепотом пробормотала она Ирине. – Бедная!

– Ничего она не бедная! – махнула рукой Ирина. – У нее и муж, и сын, и дом, и должность не в пример нашим.

– А что? – Марианна улыбнулась и шагнула в кабинет. – Выгляжу моложе? Да знаю я, мне все говорят, что выгляжу я на тридцать лет максимум.

Голубева снова посмотрела на Ирину, и обе неловко промолчали.

– Подкрасилась? – Марианна приблизилась к Ирине. – Хорошо тебе, а я вот не крашу волосы, у меня свой, так сказать, природный цвет.

– Красивый цвет, – подтвердила Елена, совершенно растерявшись. Зачем так лгать, когда весь офис знает, что Марианна Вильгельмовна носит парик по причине полного отсутствия растительности на голове?

– Ну, девочки, пошла я работать. Удачного вам дня, – и Марианна скрылась в своем кабинете.

– Странная она какая-то, – Голубева прыснула в кулак. – Вроде бы неплохая баба, а такая странная...

– Ленусь, – Ирина уже достала из стола журнал регистрации и кучу бланков, – с такой фамилией, как у нее, и ты была бы странной.

– Согласна, – Голубева едва сдержала улыбку. – Фамилия Сучкова ко многому обязывает.

– А в сочетании с именем-отчеством – и подавно, – Ирина не выдержала и рассмеялась.

Глава 1

– Ну, удачного вам путешествия! – Ольга подняла бокал шампанского. – Горько!
– Да ладно вам, – Голубева смутилась, – до свадьбы еще далеко!
– Нет так уж и далеко, – Виктор Сергеевич притянул ее к себе и поцеловал в ухо. – Вот вернемся из Турции и оформим все, так сказать, официально. Я человек уже немолодой, мне нужны гарантии.

– И правильно! – Сучкова тепло улыбнулась. – В Новый год с новой жизнью, а гарантии больше Елене нужны. Вы мужчина хоть куда.

На выпад Марианны Голубева никак не отреагировала, лишь усмехнулась про себя, понимая, что «старая стерва просто завидует».

– Но долго ж вы, однако, нам голову морочили! – Таня взмахнула руками. – Ведь, оказывается, и живут уже вместе, а коллективу – ни слова!

– Таня, – Виктор Сергеевич наполнил бокалы, – мы просто решили не торопиться. – Он как-то судорожно сглотнул слюну и неожиданно выдал: – А сейчас я хочу сказать... – у него от волнения перехватило горло. – Этот Центр – мой дом, вы – моя семья, а Леночка – моя любимая женщина.

Теперь уже Голубева поперхнулась, ну не любила она всего этого пафоса, такое ощущение, словно Виктор Сергеевич подготовил речь и теперь выступает перед телекамерами!

– Ну, я, например, знала, что они встречаются, – Ирина погрозила Лене пальчиком. – Правда, я не думала, что у вас все так серьезно, думала, так, дело житейское!

– Я тоже догадывалась, – Лариса облокотилась одной рукой на стол, в другой она держала ломтик сыра. – И искренне рада за Виктора Сергеевича.

– Вот как? – главврач несколько удивленно обернулся. – Почему, позвольте спросить?

– Ну, насколько я знаю... – Лариса смутилась. – Это ж не секрет? Все знают. Ваши два неудачных брака, развод, проблемы, а Леночка – такое сокровище...

Жданов пробормотал в ответ что-то среднее между «конечно» и «кошмарно», и в воздухе повисла неловкая пауза. Голубева решила не обращать внимания на странную реакцию будущего мужа и просто налила себе еще.

А дальше теплая компания разделилась: Марианна утащила Виктора Сергеевича к себе в кабинет, подписывать какие-то там особо важные документы, а оставшиеся девочки еще раз выпили «по маленькой».

– А что за сон тебе снился? – все-таки вспомнила Ирина, обращаясь к Голубевой. Елена и раньше отмечала, что у Ирины вообще с памятью, не в пример ей, все в порядке. Ирина помнила имена всех своих бывших любовников, мужей и даже свекровей. А вот Елена путала отчество Виктора с именем предыдущего бойфренда.

– Песок, – Елена забралась на стол с ногами. – Знаете, девочки, снится мне, словно иду я по пустыне. Кругом – никого, только барханы и песок, песок, песок. Потом будто бы я оступилась и упала в яму. Пытаюсь выбраться, а руки не слушаются, песок осыпается, и я увязаю все глубже и глубже.

– Господи, гадость какая! – Лариса передернула плечами. – Давайте выпьем, чтобы такое безобразие не воплотилось в жизнь!

– Давайте! – и, не дожидаясь остальных, Голубева сделала глоток. – Ну, что скажешь? К чему сон?

Она посмотрела на Ирину и испуганно замолчала, очень уж та посерьезнела.

– Ленусь, – начала Ирина и прервалась на полуслове. Было такое ощущение, что подруга решает, сказать правду или нет.

– Да говори уж! – горько хмыкнула Елена. – Врага лучше знать в лицо.

– К смерти это, – Ирина мотнула головой, и волосы подобно рыжему облаку взметнулись вверх. – Но ты вроде выживешь...

– Плохой сон, – мрачно подтвердила Лариса. – Там сейчас беспорядки, вон, по телевизору постоянно ужасы показывают. Как-то резко Турция изменилась – то погром, то потасовка... Лен, может, отмените поездку? Хотя вроде на курортах там тихо...

– Девочки, вы с ума сошли! – Голубева фальшиво рассмеялась. – Да ерунда все эти сны!

– Может, ты и права, – неуверенно произнесла Ирина. – Мне пока тридцать не исполнилось, вот как тебе, пока я молодая была, тоже ни во что не верила.

– Да прекратите! – Таня вышла в центр комнаты. – Прекратите девке настроение портить! Ерунда и чушь все эти сны. Бабские предрассудки! А в Турцию сейчас самые дешевые путевки, почти даром. У меня друзья вчера вернулись, все у них спокойно, это журналисты шум разводят. Спокойно там, и отдохнуть можно превосходно!

– Значит, на этом и закончим, – немного устало выдохнула Елена и улыбнулась. Улыбка вышла натянутой и кислой. Лариса хотела сказать что-то еще, но тут дверь отворилась и к ним вышли Виктор Сергеевич и раскрасневшаяся Сучкова. Лицо Марианны горело огнем, глаза пылали, женщина судорожно сжимала и разжимала пальцы рук.

– Чего это с вами? – Таня, как всегда, шла напролом. – Подрались, что ли?

Все дружно рассмеялись, обрадовавшись, что есть возможность сменить тему.

– Да нет, – Сучкова отвела глаза. – Немного поспорили по рабочим вопросам.

– Пора, пора, пора! – перебил ее Виктор Сергеевич и подошел к Елене. – Ласточка, уже пора.

Провожать «молодых» до «Лексуса» главврача высыпала вся контора. Ирина и Ольга жались ближе к двери, переступая с ноги на ногу от холода. Неунывающая Танюшка полезла к ним с поцелуями, а Марианна произнесла что-то длинное и нечленораздельное, что-то вроде напутствия на дальнейшую жизнь.

Наконец Голубева забралась на заднее сиденье, и шофер Толик повез их с Виктором домой. Вернее, в квартиру, которую они уже два месяца снимали для совместного проживания.

– Ты не пожалеешь? – Витя повернул ее лицо к себе. – Еще можно все изменить. Вернуться, сказать, что мы пошутили.

– С ума сошел? – Елена поцеловала его в губы. – Ты же мой самый лучший!

– Да, но... – Витя отодвинулся и посмотрел ей в глаза так, словно пытался прочитать душу. – Я старше тебя на восемнадцать лет.

– Глупости! – Голубева слегка прикусила мочку его уха. – Ерунда! Бред!

– Ты очень красивая, а у меня уже брюшко растет, – продолжал Виктор, однако с уже меньшим энтузиазмом. – У тебя одни только ноги метр десять, а у меня весь рост метр семьдесят, – продолжал Виктор, теперь уже едва скрывая лукавую улыбку. – И вообще, тебе нужен горячий мачо.

– Мексиканский? – поинтересовалась Голубева. – Ты уверен?

– Я уверен, что ты моя половинка, которую я искал всю жизнь.

Голубева промолчала, хотя про себя подумала, что для свадебного путешествия Жданов мог бы купить путевки и подороже, чем грошовый тур в Турцию, куда действительно все боятся ехать, тем более для своей «второй половинки». Но Елена была девушкой мудрой и решила горячку не пороть: «Выйду за него замуж – сама решу, когда и где мне отдыхать». Следующее путешествие будет в Париж, точно.

Глава 2

Они проспали, и теперь Елена металась по квартире в тихой панике.

– Мы успеваем? – Голубева судорожно сбрасывала в дорожную сумку свои вещи. – Черт! Где мой купальник? – она вылетела на середину комнаты. – Витя! Ты не видел мой купальник?

– Не суетись, солнышко, – мужчина бросил ей пакет. – Вот твой купальник.

– Но как мы могли проспать! – Елена заметно нервничала. – Мне еще надо голову помыть, уложить волосы феном, накраситься, я ничего не успею!

– Не суетись, – Витя подошел к растерзанной сумке, из которой то здесь, то там выглядывали разноцветные тряпки. – Иди, мойся, спокойно только, ванну не разнеси. А я здесь сам все соберу.

– Ты у меня просто сокровище! – девушка чмокнула мужчину в щеку и помчалась в ванную.

Вот чего Елена искренне не любила, так это когда у женщины волосы грязные. Еще хуже – если липкие, словно маслом измазанные. И вообще, у нее было правило: если Бог сподобил родиться женщиной, то уж будь добра выглядеть соответственно. Ухоженные ручки-пальчики, подкрашенные глазки, сочные губки и ножка на высоком каблуке. К чему эти мужеподобные тетки без грамма косметики, в джинсах и со звериным оскалом на обветренном лице? Так называемые феминистки, которые сами зарабатывают деньги, сами ремонтируют дома краны, для себя рожают детей, а потом всю жизнь доказывают неизвестно кому, что все мужики сволочи и можно прожить и без них! Голубева считала это полнейшим бредом, потому что мужчин искренне любила. Правда, одних она любила день, других – час, ну а некоторых – по несколько лет. Такого, чтобы один раз и на всю жизнь, у нее еще не было. Однако Голубева по этому поводу особо не переживала, мужчина, по ее мнению, должен украшать жизнь женщины, а не укорачивать ее, и пока Виктор с этой задачей справлялся, она была рядом. А брак – не брак, неважно: если отношения перестают приносить удовольствие, их пора прекращать.

Голубева нанесла на волосы бальзам и осторожно смыла водой. Ну вот и все. Сейчас только уложить стрижку и можно в путь. Пока волосы, замотанные в полотенце, высыхали, она достала косметичку и накрашила ресницы и губы. Ее дежурный макияж. Глаза у Елены от природы были огромные, синие, как море, а губы пухлые и сексуальные, поэтому и особой «раскраски» ни тем, ни другим не требовалось. Закончив с макияжем, Голубева стянула с головы мокрое полотенце и выбросила его в корзину. Включила фен на самую большую скорость и принялась «делать затылок». Вообще-то у нее сейчас на голове была изумительная стрижка, которую она безумно любила. Длинная челка на один глаз, короткие бачки и «высокий» затылок. Выглядела по-мальчишески задорно и эротично женственно одновременно, такое мало кому удастся, а у Голубевой получалось всегда.

– Я готова! – она вышла из ванной в одном полотенце на стройных бедрах. Виктор как раз что-то складывал в сумку, пока он возился, пока застегнул замок, и только после этого поднял на Елену глаза. И замер как вкопанный.

– Вещи собрал? – девушка кошачьей поступью подкралась ближе и уселась верхом на сумку.

– Собрал, – пролепетал мужчина.

– Тогда в путь! – скомандовала она и отправилась в другую комнату за одеждой, секс в ее планы сейчас не входил.

Глава 3

– Похоже, здесь жарковато, – Голубева капризно поморщилась. – Сейчас вспотею и начну пахнуть.

– Я тоже, – Виктор продолжал смеяться. – И ты сразу перестанешь замечать свой запах. Давай уже шубку и садись. Скоро взлетаем.

Еще немного повертевшись для вида, Елена, наконец, опустилась в кресло и «пристегнула ремни», как того настойчиво требовала горящая табличка.

– Внимание! – стюардесса принялась говорить обычную ерунду, а Лена уже нацепила наушники и закрыла глаза.

Спустя пару минут она почувствовала легкое головокружение и тошноту и поняла, что самолет, наконец, взлетает. Ремни она отстегнула, Елена вообще ненавидела все то, что мешает чувствовать себя комфортно. Зато глаза Голубева принципиально не открыла, ну что хорошего можно увидеть в иллюминатор несущегося на дикой скорости самолета? Оставшуюся внизу взлетную полосу да грязный городской аэропорт с серыми деревьями? Внезапно кто-то толкнул ее в спину, да с такой силой, что Голубева, не ожидавшая удара, сильно стукнулась головой о впереди стоящее кресло.

– Черт! – рывкнула она и рванула наушники. – Что за ерунда?

Открыла глаза и замерла. В салоне – крики, визги и даже мат. Самолет упрямо несется вперед, при этом чудовищно западая влево. Какие-то сумки, чемоданы и кульки посыпались на голову, и вот тогда Елена напугалась:

– Витя! Что случилось?

Мужчина сидел неподвижно, белый как смерть:

– Похоже, отлетело одно шасси.

– Пристегните ремни, не вставайте с места! – взвизгнула в микрофон невидимая стюардесса. – Положите голову на колени, уберите все колюще-режущие предметы как можно дальше от себя.

– И засуньте в рот паспорт, чтобы было легче опознать ваш труп! – огрызнулась Голубева, пытаясь дрожащими руками застегнуть ремень безопасности.

Самолет чудовищно болтало из стороны в сторону, какая-то женщина истошно визжала.

– Я люблю тебя, ласточка! – пробормотал Жданов. – Знай это!

– Прекрати! – захрипела Голубева. От волнения у нее внезапно прорезался бас. – Прекрати! Я тоже тебя люблю, все будет хорошо...

Их снова затрясло, да с такой силой, что она прикусила язык и замолчала. Самолет болтало и качало в разные стороны; стало трудно дышать. Пот застилал глаза, сердце колотилось где-то в горле, Лена вспомнила свой сон накануне и поняла, что это конец.

И вдруг наступила тишина, такая чудовищная и звенящая, что Голубева напугалась ее даже больше, чем криков и паники. Потом она услышала чей-то громкий вздох и хороший такой, от души такой, трехэтажный мат.

– Ласточка! – Виктор погладил ее по абсолютно мокрой от пота спине. – Мы сели.

Голубева разогнула ноющую во всех местах спину, открыла глаза и уставилась на Виктора:

– На облако? Где твои крылья?

– Успокойся, уже все позади, – Витя расцеловал ее пылающие щеки и обнял за плечи, а Елена от ужаса больше не могла произнести ни слова.

Глава 4

– Напитки за счет компании, – официантка безразлично оглядела их с головы до ног. – Да, видок у вас еще тот, – бесцеремонно прокомментировала девушка.

– Витя, – не отрываясь от маленького зеркала, встроенного в крышечку компактной пудры, прошептала Голубева, – возьми у нее коньяк и попроси заткнуться, у меня нервы не железные.

Виктор смущенно крикнул и похлопал ее по руке:

– Ласточка, все позади.

Голубева, наконец, привела в порядок свое лицо, убрала пудру в сумочку и попыталась бодро улыбнуться, поймав себя на мысли, что со стороны ее улыбка скорее напоминает оскал психически больного человека:

– Давай выпьем, Витя!

Мужчина снова смутился, но быстро взял себя в руки. За это она его и любила. Несмотря на свой возраст, Жданов порой вел себя, как задорный мальчишка:

– Ласточка, за нас!

Голубева неприлично быстро опустошила содержимое пузатого бокала, даже не поморщилась и потянулась за новой порцией.

– У меня есть тост! Давай выпьем за то, чтобы снаряд дважды в одну воронку не падал!

Виктор озадаченно хмыкнул:

– Прости, дорогая, но я не понял. Не могла бы ты мне объяснить более подробно: нас ожидает еще одно падение? У меня от этого еще брюки не высохли!

И тогда они начали смеяться. Как сумасшедшие. Голубева согнулась пополам, слезы потекли по щекам, а остановиться она не могла, хотя чувствовала, что тушь уже предательски щиплет глаза.

– Прекрати, – наконец простонала девушка, вдоволь насмеявшись. – У меня уже нет сил оттирать щеки от туши!

Виктор с трудом, но все-таки успокоился и взял ее за руку:

– Ты знаешь, родная, наверное, только сегодня, в этом гребаном самолете, я понял, насколько я тебя люблю. И неважно, есть ли у нас штампик в паспорте или пока нет, с этой минуты я хочу называть тебя своей женой.

Он поцеловал ее в губы, и Елена подумала, что в такой торжественный момент необходимо сказать что-то очень романтическое, но в голове почему-то крутилось только: «Если бы ты не сэкономил на путевке, мы бы не полетели в Турцию и так бы не перепугались!»

– А ты жадный, – выдала Голубева и пригубила из бокала. – Что за гадость я пью? Что за гадость они нам подсунули?!

– Напитки бесплатно, – Виктор пожал плечами. – Надеюсь, ты не ждала от авиакомпании «Хеннесси»? А почему я жадный?

– Странно, – Елена подозрительно разглядывала на свет мутную жидкость, – а первый бокал так хорошо пошел... Не напрягайся, я пошутила.

– Странные у тебя шутки, – улыбнулся Виктор. – Кстати, ласточка, у нас есть выбор: либо мы ждем здесь до вечера, напиваемся как свиньи и летим в Кемер другим чартерным рейсом, либо нам возвращают деньги, и мы едем домой. Но я думаю, первый вариант нам подходит больше? – мужчина подмигнул ей левым глазом, потому что правый у него дергался сам, скорее всего, на нервной почве.

– Можно я не буду напиваться как свинья? – пьяно икнула Елена и побежала в туалет. От дармового коньяка ее сильно тошнило.

Глава 5

Постоянно бояться невозможно. Это точно. Даже ужас со временем притупляется и ослабевает. Первые полчаса после того, как самолет снова взмыл в воздух, Голубева думала, что сойдет с ума от напряжения. Каждую секунду она ожидала толчка в спину, дикого крика пассажиров и «голову на колени». Но ничего не произошло. Аэроплан плавно набрал высоту, ремни они расстегнули, а стюардессы заботливо выключили верхнее освещение, оставив только периферийное, возле кресел. Салон медленно погружался в дрему, пассажиры мирно похрапывали, заснул и Виктор.

Однако в ее измученную воспоминаниями голову сон не приходил, мало того, ныл желудок, а после эксклюзивного коньяка Голубеву еще и сильно мутило.

Осторожно, чтобы не разбудить Виктора, Елена протиснулась между креслами и отправилась в туалет, где с наслаждением умылась холодной водой и прополоскала рот. И сразу стало значительно лучше.

– Можно мне крепкий-крепкий кофе? – она пробралась к зевающей стюардессе. – И булочку?

– Конечно, – девушка дежурно улыбнулась. – Вы, случайно, не с того самого самолета?

– С того самого, – кивнула Елена. – А почему вы спрашиваете?

– Да все спят, а вы кофе просите. Крепкий. Бойтесь?

– Боюсь, – честно призналась Голубева. – Боюсь самолета и боюсь смотреть в зеркало. После всего случившегося у меня еще неделю будет безумный вид.

– Это нормально, – стюардесса улыбнулась. – Я один раз тоже попала в подобную переделку. Так вот, когда все закончилось, меня тошнило, наверное, сутки. Каждый по-своему реагирует на стресс.

– Сутки? – Лена задумчиво забарабанила пальчиками по спинке кресла. – Значит, мне еще как минимум десять часов, да плюс коньяк вашей авиакомпании. Итого, получается неделя. Хорошее свадебное путешествие!

Девушки рассмеялись вместе.

– Ну, идите, – стюардесса махнула рукой. – Ваше место?

– 11 б.

– Я знаю. Сейчас будет кофе.

– И булочка, – Голубева улыбнулась. – Есть хочу со страшной силой, и это несмотря на тошноту. Наверное, стресс.

Проделав обратный путь, она устроилась в своем кресле, и уже через пять минут перед ней на подносе красовались крепчайший кофе, две булочки и коробочка с клубничным джемом.

Голубева, забыв о фигуре, моментально проглотила сдобу, вылизала джем и мелкими глотками начала смаковать кофе. Желудок успокоился, паника отступила, и она, наконец, расслабилась.

– Как кофе? – знакомая стюардесса пришла за пустым подносом.

– Отлично! – Елена кивнула. – Даже лучше, чем отлично. Только немного странный вкус.

– Я туда вам добавила ликера, – девушка улыбнулась. – Хорошего ликера, из запасов для VIP-персон.

– Вот спасибо! – искреннее обрадовалась Лена. – А я думаю, чего это мне так ваш кофе понравился?

И они снова тихонько рассмеялись.

«Какая славная девушка, – подумала Голубева, провожая взглядом уходящую стюардессу. – Бывает же так, видишь человека впервые, и он сразу же становится тебе приятен. А

бывает и наоборот, нелюбовь с первого взгляда, что ли». И здесь она почему-то вспомнила Сучкову.

Ее первое знакомство с коммерческим директором состоялось, естественно, при устройстве на работу. Марианна восседала за столом в костюме безумного фиолетового цвета и в парике, возвышающемся над не менее безумным, как показалось Голубевой, лицом. И тем не менее она встретила Елену с улыбкой, хотя ее глаза при этом оставались напряженно-завистливыми. Но Елену это не удивило. Она знала, что ее яркой внешности завидуют многие женщины. Одни из них просто не в состоянии перенести ее длинную, «в пол», норковую шубку, другие не могут пережить ее длинные ноги. И уж почти никто не остается в душевном равновесии, когда смотрит на ее губы. Но обычно спустя несколько дней они становились подругами. Голубева по натуре была девушкой незлобной, первая никогда в ссору не лезла, интригами не занималась, чужих мужей не уводила. Но с Сучковой у нее так и не сложилось, они не переносили друг друга на дух, но внешне старались особо свою антипатию не показывать. С Марианной ругаться было нельзя из-за занимаемой ею должности, а с Еленой – из-за занимаемой ею позы в постели Жданова. Так они и существовали в режиме «холодной войны».

Постепенно Голубеву начала одолевать дрема, перед глазами промчалась Сучкова в шортах, стюардесса с чашкой кофе, какие-то мерзкие клетки, по форме напоминающие мальков, и она, наконец, уснула.

Глава 6

– Как жарко! Невыносимо жарко! – и Голубева снова припала к бутылке с питьевой водой.

– Жарковато, – согласился Виктор. – Так ты ж в Кемере, моя дорогая.

Взятый напрокат белоснежный джип несся на бешеной скорости в сторону одного из пятизвездочных отелей.

– А здесь не так уж плохо! – заметила, наконец, Елена, крутя головой в разные стороны. – И беспорядков пока не видно.

– Накинь что-нибудь на плечи, – Витя покосился на ее открытую маечку, – и ноги спрячь, – добавил он, взглянув на шорты. – При твоей белой коже ты уже через час превратишься в шипящее месиво.

– Шипящее месиво? – Елена передернула плечами. – Не преувеличивай! Я говорю, тихо пока здесь, не страшно, да?

Виктор лишь молча пожал плечами.

Но все-таки Елена полезла на заднее сиденье за сумкой и достала рубашку Виктора с длинным рукавом.

– Пойдет? – она накинула ее сверху.

– Нормально, – одобрил мужчина.

Голубева усмехнулась: ну вот откуда эта мода на мужские рубашки? Она могла достать из сумки свою ветровку, но нет, достала рубашку Жданова. Чтобы показать всем вокруг, что она при муже? Голубева отметила, что впервые подумала о Жданове как о муже, и еще раз ухмыльнулась: «Все, засосало мешанское болото».

Зеленый оазис отеля она заметила первая, и чем ближе они подъезжали, тем больше ей нравилось это райское местечко, даже представить себе было трудно, что где-то недалеко еще недавно громили дома и витрины и звучали выстрелы. Сам отель находился на берегу моря и поражал своей величиной. Десятиэтажное белого цвета здание, словно лестница, опускалось вниз. Разноцветные гранитные горы почти вплотную подступали к морю и создавали почти сюрреалистическую картину. Каменистый пляж и зеленые пальмы, вода и горы – не так уж и плохо для банального отдыха в Турции!

– Отлично! – воскликнула Голубева. – Там есть высокая стена, которая окружает отель, а это значит, что мы...

И тут она осеклась на полуслове. Голубева наткнулась на холодный взгляд Виктора, и это был взгляд чужого, незнакомого человека.

– Ты чего? – на нее словно ушат ледяной воды вылили.

– Я подумал, – Витя отвел глаза, – что мы могли умереть.

– Прекрати, – Елена совсем растерялась, – зачем вспоминать то, что прошло?

К отелю они подъехали молча. Довольно быстро прошли все необходимые формальности и уже через пятнадцать минут оказались у себя в номере.

– А здесь ничего, – пропела Елена, запрыгивая на огромную, в полкомнаты, кровать. – Уютно.

Но настроение почему-то было полностью испорчено.

– Смотри, – Виктор подошел к вмонтированному в стену шкафчику, – это мини-бар, – и нажал невидимую кнопку. Дверцы бара под аккомпанемент бессмертного марша Мендельсона разъехались в стороны. – Только лучше все не выпивать, дорого очень.

– Ничего обещать не могу, – мрачно пробормотала Елена. – Как получится!

– Можно мне в душ первому? – робко попросил Виктор.

– Валяй, – Голубева поднялась с кровати и вышла на балкон. Номер находился на втором этаже, прямо над центральным входом в отель. С такой высоты словно на ладони были видны

два бассейна, один обычный, а второй джакузи. «Школа виндсерфинга», – умудрилась прочесть Елена вывеску на русском языке, прикрепленную к бортику одного из бассейнов.

– Обязательно запишусь, – решила она и вернулась в номер. – Ты скоро?

Голубева стянула с себя майку, шорты и легла на постель.

– Уже выхожу! – сквозь шум воды отозвался Виктор. – Пять минут.

– За пять минут умереть можно, – философски заметила Елена, вспоминая самолет, и поднялась на ноги. Она решила не терять времени зря и распаковать свою сумку. Но едва расстегнула молнию, как в голову пришла другая, более интересная идея.

– Витя! – крикнула Голубева, прижавшись носом к двери. – Я выйду на десять минут. Хочу кое-что купить.

– Только осторожно! – отозвался мужчина.

– Хорошо, – согласилась Елена. Она накинула прямо на голое тело коротенький сарафанчик, влезла в шлепки и вылетела из номера.

– Скажите, – на ломаном английском обратилась она к дежурному по этажу, – где здесь можно купить национальный костюм?

– Why? – мужчина развел руками. – Why?

– Национальный костюм... ну маска... юбка... – Голубева беспомощно пожала плечами.

– Why? – повторил мужчина и улыбнулся.

– М-да-а, – протянула Елена, отходя от дежурного. – Или мой английский не настолько хорош, или этот мужчина полный идиот.

Возмущенно шлепая тапками, она спустилась в огромный холл и огляделась по сторонам. Кого спросить? Две скучающие пенсионерки явно иностранного происхождения, молодой человек, всем видом напоминающий хорошо обеспеченного бургера, да парочка сопливых ребятишек...

– Полно народу, а спросить некого! – Голубева в отчаянии всплеснула руками. Потрясающе задуманный план грозил с треском провалиться.

Еще немного потоптавшись на месте, она развернулась в сторону «lobby bar», справедливо считая, что уж там можно найти хоть кого-то говорящего по-русски.

И точно, едва она переступила порог, как в глаза бросилась молодая пара, сидящая на кожаном диванчике и что-то тянущая из бокалов. Они тихонько переговаривались и беспрерывно смеялись. Голубева явно слышала русскую речь. Девушка на диване была необыкновенно хороша: короткие рыжие волосы, стройная фигурка, ее спутника Елена даже разглядеть толком не успела, так как сразу же ринулась к ребятам.

– Люди! Вы по-русски говорите? – выпалила она, подлетая к парочке. На последнем шагу ее левая нога подвернулась, тапка отлетела в сторону, и Голубева, нелепо взмахнув руками, приземлилась на пятую точку, да так, что проехала на ней еще добрую пару метров.

– Уже нет! – давясь смехом, выдал мужчина. – Но до вашего эффектного падения я точно говорил по-русски!

А рыжая смеялась до слез.

И без того короткий сарафанчик Елены задрался, выставляя на всеобщее обозрение голую попу. Голубева охнула и одернула подол.

– Не надо огорчаться, – парень встал и подал ей руку. – Очень даже интригующе.

– Спасибо, – буркнула Елена, чудовищно смутившись.

– Олег! – представился мужчина, поднимая Голубеву с пола. – А это моя жена Таня.

Рыжая утерла мокрые от слез щеки и тоже встала, улыбаясь во все зубы:

– Очень приятно познакомиться, – ее так и распирало от смеха.

– Лена, – улыбнулась Голубева. – Меня зовут Лена. А вы откуда?

– Мы из Тюмени.

– Не может быть! – Елена всплеснула руками. – Да мы практически земляки.

– За это надо выпить, – решил Олег и махнул рукой официанту. – Еще коктейль для прекрасной землячки.

Глава 7

Таня и Виктор танцевали уже второй танец подряд и оживленно о чем-то шептались, а Елена с Олегом пили коньяк и беседовали.

– Тебе нравится твоя профессия? – Голубева, наконец, задала вопрос, который мучил ее с того самого момента, как она узнала, что Олег – самый настоящий пластический хирург.

– Нормально, – мужчина улыбнулся. – Денежная.

– Ну, это понятно, а для души, нравится?

– Нормально, – снова ответил Олег и закурил.

– Фу, – Елена театрально вытерла лоб рукой. – Я аж взмокла, пока из тебя хоть слово вытянула. Нормально да нормально. А в Тюмени нравится?

– Нормально, а чего трепаться? – Олег подмигнул девушке. – Нормальная работа, не хуже и не лучше, чем у других. Тюмень нравится, но мое сердце принадлежит Питеру. Там центр пластической медицины «От-кутюр», там я работал долго и до сих пор...

– Меняем тему, скучно о работе, – Елена повелительно взмахнула рукой. – Вы с Таней давно женаты?

– Давно, – Олег заметно напрягся. – Четыре года.

– А дети есть? – не унималась Голубева.

– Нет и, скорее всего, уже не будет, – Олег залпом осушил бокал, докурил и аккуратно выбросил окурки в мусорную корзину. – И давай не будем больше об этом. Хорошо?

– Прости, – Елена прикусила язык. – Я сболтнула что-то лишнее?

– Не, все нормально. Это я, – Олег махнул рукой, – с завихом. Хочешь, я для тебя танец станцую?

– Как это? – не поняла Елена.

– А вот так, – Олег поднялся на ноги и потянулся. Они уже часа три как сидели в баре, расположенном прямо возле бассейна. – Я умею.

И мужчина легко запрыгнул на скользкий бортик бассейна, отделанный мозаикой в восточном стиле. За его спиной плескалась до безобразия голубая вода, а чуть левее танцевали пары. Олег красиво изогнул руки и стал медленно снимать с себя летний пиджак.

– Это стриптиз? – ахнула Голубева, захлопав в ладоши. «У Тани шикарный муж», – непроизвольно отметила она, закусив губу. Высокий, сероглазый, с красивыми сильными руками, какие, в принципе, и должны быть у хирурга.

– А я тебе помогу, – Елена вихрем взлетела на бортик и встала рядом, – на счет два... – засмеялась она и начала снимать импровизированные чулки, высоко задрав вечернее платье.

– Эй! Чего это вы тут вытворяете! – крикнул Виктор, заметив движение у бассейна, а Таня стояла чуть поодаль и громко смеялась.

– Больше страсти! – завопила она. – Не верю!

– Ах так?! Олег! Они нам не верят! – голосом вдовствующей королевы произнесла Голубева и одним махом стянула с себя платье.

Олег громко охнул, и ей показалось, что на мгновение он даже закрыл глаза.

– Лена! – взвизгнул Виктор, но тут же рассмеялся, так как у девушки под платьем оказался купальник.

Олег довольно быстро пришел в себя и быстренько освободился от брюк и футболки. Так они и стояли друг против друга – полураздетые и чертовски привлекательные. Возле бассейна уже собрались люди, они громко смеялись, кое-кто даже хлопал в ладоши.

– Не верю! – снова крикнула Таня, деля из бокала с шампанским чудовищные по величине глотки. – Не верю, хоть тресни!

– Ну, держись! – Елена повернулась к Олегу, обняла его за талию и медленно, эротично прогибаясь в спине, присела вниз, а потом так же поднялась вверх. Толпа восторженно загудела. Олег, поддавшись на провокацию, игриво притянул ее к себе за бретельку бюстгалтера. Голубева автоматически отпрянула, бретелька осталась в руках у Олега, а бюстгалтер упал к его ногам под оглушительный рев отдыхающих. Елена покачнулась и, стараясь удержать равновесие, схватила Олега за руку. Олег ухватился за стоящий у бортика навес, который моментально опрокинулся, и все оказались в воде.

Испугавшись, Голубева не сразу поняла, почему в бассейне стало так темно, пока не сообразила, что их с Олегом накрыло навесом, словно палаткой.

– Лена! Ты где? – мокрый, но ужасно довольный, Олег подобрался ближе.

– Я здесь, – отплевываясь, отозвалась Голубева.

И тогда Олег повел себя совершенно неожиданно. Одной рукой он обнял девушку за талию, другой рукой начал ласкать правую грудь, целуя ее губы так, словно он целуется в последний раз в жизни. Голубева сначала растерялась и хотела его, конечно, оттолкнуть, но потом передумала и ответила поцелуем. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Олег сам от нее не отпрянул и не произнес:

– Прости, но если бы я тебя не поцеловал, то потом никогда бы себе этого не простил.

И куда-то исчез, словно испарился. А спустя минуту подняли навес, Виктор закутал Лену в свою рубашку, и они как ни в чем не бывало, простившись с Таней и Олегом, отправились в свой номер.

Глава 8

Голубева не видела Олега больше суток. Так уж вышло, что вчера ни одна из двух пар не проявила желания провести день вместе. Зато сегодня уже с утра Виктор вместе с Олегом осваивали подводное плавание, а Елена с Таней исследовали местные магазины.

– Может, вот эта? – Таня вертела в руках синюю юбку. – Как думаешь?

– Даже и не знаю, – Голубева улыбнулась. После случая с Олегом она старалась не смотреть ей в глаза. – Давай примерим.

– Неохота, – Таня грустно покачала головой. – И вообще я ничего не хочу, зря только тебя вытащила на этот дурацкий шопинг.

– Да что с тобой? – Голубева неуверенно приобняла девушку за плечи. – Случилось что-то?

– Да вроде нет, – отмахнулась Таня. – Знаешь, Лена, я собираюсь сделать одну вещь, очень плохую вещь, и не уверена, что должна это делать. И не делать не могу.

– А что это за вещь? – глупо улыбнулась Елена.

– Увеличить грудь, – съязвила Таня. – Пойдем в кафе? Ужасно хочется сладкого.

– Конечно, пошли, – Голубева поняла, что Таня не хочет больше откровенничать, – хотя... – и тут ей в голову пришла замечательная мысль. – Танюшка, иди пока одна, займи место и закажи мне кофе и пирожное...

– А ты? – удивилась Таня.

– А я скоро, – пообещала Лена, стремительно удаляясь в сторону одной из лавок, где продавались национальные костюмы.

В магазинчике, как и ожидала Голубева, было пусто. Скучающий черноволосый юноша-продавец заметно оживился, едва девушка переступила порог.

– Мне нужны два женских, очень красивых костюма, – изо всех сил выговаривая английские слова, начала Голубева.

– Ок, – моментально отозвался юноша и кинулся куда-то в угол. Спустя несколько минут перед ней уже лежали два расшитых вручную, роскошных национальных балахона. Один с преобладанием красного цвета, а второй изумрудных оттенков.

– Беру, – даже не поинтересовавшись ценой, кивнула Голубева. – Положите в два отдельных пакета.

К Татьяне Елена подошла уже спустя десять минут, расплываясь в довольной улыбке:

– Я не долго?

– Почти мгновенно, – подозрительно косясь на пакеты в ее руках, ответила девушка. – Что у тебя там?

– Держи, – Лена протянула ей один сверток. – Это тебе от меня в подарок.

– Ой! – Таня мгновенно вывалила содержимое пакета себе на колени. – Боже! Какая красота!

Ей достался балахон изумрудного цвета.

– У меня такой же, только красный, – объяснила Голубева, уплетая пирожное за обе щеки и мысленно проклиная себя за отсутствие силы воли.

– Спасибо тебе, дорогая! – Таня расцеловала Елену. – Какая ты хорошая! Я так рада, что мы с тобой познакомились!

Лена вспомнила Олега, поперхнулась кофе, но взяла себя в руки:

– Я тоже, Танюшка.

– Я так хочу его померить, – Таня крутила балахон со всех сторон.

– Точно, – засмеялась Голубева, – помнишь, когда я тебя с мужем, – она сознательно не назвала Олега по имени, – в баре нашла? Я тогда тоже балахон купить хотела и устроить Вите экзотическое шоу.

– С каким мужем? Ах да, с мужем. Отличная мысль, – глаза у Тани вспыхнули. – Я сегодня попробую воплотить твой план в жизнь.

– Ну вот и славно, – улыбнулась Голубева. – Пойдем к мужьям?

Они спустились к бассейну, Лена села за столик поджидать Виктора, а Таня убежала в номер примерять балахон.

– Привет! – Олег равнодушно скользнул по Голубевой взглядом и сразу же отвернулся к Виктору. – Ну, я пойду. До вечера!

Мужчины пожали друг другу руки, и Олег ушел.

Елена была несколько озадачена, если не сказать больше, таким холодным приемом. Не то чтобы она ожидала от Олега прилюдных поцелуев или жарких объятий, нет. Но и равнодушное «привет» – это уж слишком.

– Ты чем-то расстроена? – Виктор обнял ее за плечи и поцеловал в ухо. – Как шопинг? Что купили?

– Купили национальный балахон, – грустно ответила Лена, выдавливая из себя подобие улыбки.

– Ты голодна? – Виктор опустился на соседний стул. По его голой груди стекла прозрачная капелька воды и упала на стол.

– Скорее да, – машинально провожая капельку взглядом, ответила Голубева, все еще не переварив встречу с Олегом.

– Тогда давай поужинаем, – предложил Виктор. – И выпьем по чуть-чуть?

– Конечно, – Елена так сильно кивнула, словно хотела выбросить из головы грустные мысли.

– Смотри, – Виктор указал в сторону отеля, – похоже, к нам идет Танюшка.

Голубева повернула голову, и действительно, легкой, упругой походкой к ним подошла жена Олега.

– Ленусь! – Таня развела руками. – Тут такая жалость, балахон-то мне маловат.

– Вот те раз! – Лена удивленно присвистнула. – Где?

– Ты не поверишь! – девушка счастливо рассмеялась. – Он мне тесен в груди.

– Ну, такая грудь, – туманно намекнул Виктор, улыбаясь Татьяне. – Просто национальное достояние.

– Да прекрати ты, – отмахнулась девушка. – Ленусь, что делать? Мне так хочется воплотить в реальность твой план.

– Что за план? – Виктор вопросительно взглянул на Голубеву.

– Потом, – она махнула рукой и полезла в сумочку. – Таня, я тебя очень прошу, возьми мое портмоне, иди в магазин и выбери себе другой костюм.

– А портмоне зачем? – Танюшка казалась совершенно сбитой с толку.

– Чтобы доплатить в случае чего. Вдруг ты выберешь немного подороже, – Лена улыбнулась. – Только «немного» подороже, хорошо?

– Нет, мне неудобно, – запротестовала Таня. – Я так не могу.

– Ну, не придумывай, – Голубева насильно засунула портмоне в руку Тане. – Иди и покупай, только будь внимательна, здесь не только деньги, но и все мои документы.

– Хорошо, – согласилась Таня. – Но тогда завтра ты пойдешь с моим бумажником и тоже сделаешь себе подарок.

– Пока вы рядитесь, лавка закроется, – Виктор взглянул на часы. – Танюшка, иди уже.

Как только девушка отошла от столика на пару метров, Виктор наклонился к Елене:

– Ты ей точно доверяешь?

Голубева дернула плечом:

– Конечно, я привыкла доверять людям, пока они не докажут обратное.

– Почему ты такая взъерошенная? – Виктор погладил ее руку. – Устала?

– Ага, – Лена поднялась. – Сейчас схожу в номер, переоденусь к ужину и выйду. И самое главное, приму душ.

– Отличная идея, – хмыкнул Виктор. – Потому что после душа ты всегда выглядишь бодрой и веселой. Как раз такой, какой я тебя люблю.

Лена неспешно направилась к отелю, потом зачем-то оглянулась и посмотрела на Виктора. Вот он, ее будущий муж, в лучах заходящего солнца, на фоне голубого бассейна и розового пластикового столика. Необыкновенная тишина, пение птиц и жужжание насекомых, аромат цветов и специального дезинфицирующего средства для джакузи. Потом детский смех, женские визги и веселые мужские голоса – отдыхающие подтягиваются на ужин. Увиденная картинка казалась сюрреалистичной и нереальной, словно в одном месте пересеклись две параллельные прямые: безмятежная жизнь и то и дело вспыхивающие беспорядки и террористические акты, которые довольно часто показывают в «Новостях». Елена и сама не могла понять, почему ей в голову пришли такие мрачные мысли. А потом легкое наваждение прошло, девушка свободно вздохнула полной грудью и поспешила в номер, чтобы привести себя в порядок. Бросив на постель пакет с национальным балахоном, она стянула шорты и майку и пошла в душ. Внезапно Лена почувствовала, как нахлынула тепловая волна, ужасно удивилась, откуда, посмотрела вверх и тут же инстинктивно закрыла лицо руками – на нее падал потолок и часть стены.

Глава 9

У Голубевой ничего не болело, но почему-то было очень трудно дышать. Она попробовала открыть глаза, с трудом, но ей это удалось. Комната тут же поплыла, цвета перемешались, формы и силуэты спутались, Лена толком не могла различить ни одной фигуры, словно вокруг нее бродили привидения.

Голубева внутренне запаниковала, дернулась и тут же расслабилась. Оказывается, каждый рывок сопровождался дикой болью в руках. Попыталась было открыть рот, но он уже был приоткрыт, мало того, в челюсть была вставлена какая-то мерзкая металлическая спица. Хотела позвать на помощь, но ей не удалось и это. Тогда Голубева снова закрыла глаза и попробовала хоть как-то успокоиться. Она отлично различала человеческую речь, звон и лязганье каких-то инструментов, да еще и этот специфический больничный запах, значит, она живая и в сознании. Голубева глубоко вздохнула и снова открыла глаза, и комната тут же рванула вправо, а затем влево. Прямо перед ней снова появилось белесое привидение, на мгновение остановилось, приблизилось и заговорило.

– Вы меня слышите? – произнесло привидение по-английски, и Голубева еще добрых десять минут переводила эту фразу.

Она хотела ответить «Да!», но снова не смогла произнести ни звука. Было такое чувство, словно ее губы стали чужими и отказывались шевелиться, как обычно бывает после укола в кабинете у стоматолога. Попытавшись еще раз произнести хотя бы звук, Елена сдалась и только утвердительно кивнула. Привидение быстро что-то затараторило, но Голубева уловила в этом хороводе фраз только «наркоз» и «теракт».

Слово «наркоз» немного успокоило Голубеву, она начала понимать, что с ней происходило, а вот «теракт» звучало очень страшно. Лена вздрогнула, тяжело вздохнула и снова погрузилась в темноту. Спустя какое-то время появилась и боль. Голова разламывалась так, словно по ней били молотком, руки нестерпимо жгло в районе кистей, челюсть ныла со страшной силой. Голубева открыла глаза и увидела голубую палату, голубую лампу и белую, наглухо закрытую дверь.

«Реанимация!» – наконец сообразила она и осторожно повернула голову. Обычная белая стена, красная кнопка «вызова» в изголовье кровати, длинные лампы по периметру комнаты. Пересиливая тошноту и головокружение, Елена повернула голову в другую сторону. Еще одна кушетка, на которой неподвижно лежит женщина, опутанная всевозможными трубочками и проводами, словно муха в паутине. Лена вздрогнула и присмотрелась к соседке, выглядела та действительно чудовищно. «А что со мной?» Голубева опустила глаза вниз – на себе она обнаружила только две трубочки, идущие от обоих запястий куда-то вверх, за голову.

«Значит, мои дела не так уж и плохи», – немного успокоилась Елена, пытаясь приободриться. Больше всего ее пугало, что она никак не могла вспомнить, что же с ней случилось. Она отлично помнила, как зашла в душ, включила (или нет?) воду, а дальше была пустота. Неужели она поскользнулась на мокром кафеле, да так, что разбила себе голову, лицо и руки?

И где тогда Витя? Почему он не рядом?

«Реанимация!» – вспомнила Голубева и облегченно вздохнула. – Его сюда просто не пускают. Наверное, он сидит возле палаты и страшно волнуется. Значит, надо сообщить, что я жива и в сознании». Голубева повернула голову влево и, пересилив подкатившую тошноту, уставилась на красную кнопку. Попыталась дотянуться до нее рукой, но тут же бросила эту затею. Руки ужасно заныли, да к тому же кисти и даже запястья были в гипсе. Тогда она попыталась дотянуться до кнопки носом, но опять безрезультатно, голова оказалась такой тяжелой и неподъемной, будто весила целую тонну.

«Плевать!» – зло буркнула Елена про себя. – Подожду».

Ждать ей пришлось долго. Естественно, часов у Голубевой не было, за временем она не следила, но ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем дверь распахнулась и в палату зашла пожилая женщина с какой-то колбой в руках. Она равнодушно взглянула сначала на ее соседку, а потом перевела взгляд на Голубеву.

– Как вы себя чувствуете? – врач подошла к Елене и улыбнулась. Ее английская речь была очень беглая и с каким-то не понятным для Голубевой акцентом. – Молчите, молчите. Вы же все равно не можете говорить.

Голубева не понимала половины слов, ей ужасно хотелось узнать, что случилось, но она не могла произнести ни звука, и это ее страшно раздражало.

Женщина проверила капельницы, подключенные к ее рукам, сначала одну, затем другую, причем все это время она беспрерывно говорила:

– Теракт, жертвы, челюсть, сотрясение мозга, – выловленные Голубевой из общего потока слова хотя бы немного прояснили картину.

«Значит, теракт», – Голубева до последнего не хотела принимать этот факт. Одно дело, когда ты думаешь, что поскользнулась на мокром кафеле, и совсем другое – когда узнаешь, что стала случайной жертвой каких-то отморозженных придурков. «Хорошие путевки, стопроцентная безопасность, – хмыкнула она, – спасибо, Витя».

«А где же Витя? – напряглась Елена, уже начиная понемногу приходить в адекватное состояние. – Жив ли он? Почему меня не ищет?»

Голубева насколько смогла приподняла сломанную руку вверх, чтобы привлечь внимание врача.

– Что? – довольно быстро заметила женщина.

Елена бессмысленно сделала страшные глаза, помычала немного, а потом едва не заплакала от бессилия.

– Ничего не пойму, – женщина развела руками. – Наверное, вы спрашиваете про кого-то из родных?

Голубева утвердительно кивнула головой и тут же сморщилась от сильной боли в затылке.

– Хотите, я принесу вам списки погибших? – предложила врач, но Лена поняла только «списки погибших» и снова утвердительно кивнула. Женщина тяжело вздохнула, сделала несколько кругов по палате, поправила одеяло на соседке и наконец ушла.

Голубевой показалось, что ее очень долго не было, хотя вполне возможно, что она просто потеряла ориентацию во времени. Когда врач вернулась, Лена уже пребывала на грани истерики.

– Вы хорошо видите? – врач протянула ей два листа с мелко напечатанными фамилиями. – Первый список – убитые, второй – раненые.

Голубева впиалась глазами в латинские буквы. Первый список оказался чудовищно длинным, 11 фамилий и имен, а в скобочках страна.

«Олег Вертинский (Россия)», – прочитала Голубева, буквы запрыгали перед глазами, она почувствовала, что ей снова стало нехорошо. Виктора Жданова и Татьяны Вертинской она не нашла ни в одном из списков, их не было ни в убитых, ни в раненых.

– Нам каждый день приносят новые имена, – врач, внимательно наблюдавшая за реакцией пациентки, тяжело вздохнула. – Вы нашли здесь своих родных?

Лена отрицательно покрутила головой.

– И слава богу! – искренне обрадовалась женщина. – Значит, они живы. Я поставлю вам снотворное, вам надо отдохнуть, – объяснила врач и, сделав укол, вышла из палаты.

Голубева уснула.

Глава 10

Как же медленно тянется время, особенно когда нечем заняться, ничего делать нельзя и даже поговорить невозможно! Рыдать все время тоже надоедает, заламывать руки от горя в принципе нереально – руки-то в гипсе, поэтому Голубева уже совершенно устала и измучилась в этом госпитале. Говорить Елена не могла до сих пор, мало того что у нее была сломана челюсть, так, оказывается, еще повреждены голосовые связки и даже выбита пара зубов, на месте которых сейчас и стояла спица. Даже шептать было невозможно, и это именно тогда, когда ей больше всего на свете хотелось спросить о судьбе Виктора. Голубева еще пару раз просила списки пострадавших во время теракта, но фамилии «Жданов» так и не обнаружила. Теперь списки разбили и по половому признаку, на «м» и «ж», а поскольку родных женского пола у нее здесь, к счастью, не было, все последующие дни Лена просила только «мужские» списки.

Елена слезла с подоконника и, тяжело вздохнув, уныло поплелась в сторону отсека санитарной обработки. Она никак не могла привыкнуть к тому, что ей нельзя даже голову помыть, пока с челюсти не снимут этот устрашающий аппарат. В зеркало она на себя почти месяц не смотрела, боялась вдобавок ко всему еще и инфаркт заработать от увиденного. Однако, судя по тому, как болталась одежда, похудела она очень сильно. Вполне логично, потому что практически ничего есть не могла, а та противная каша, которую ей вливали в рот, и на еду-то была не похожа.

Пройдя мимо отсека санитарной обработки, она повернула налево и доплелась до палаты, где сразу же легла на койку, закрывшись с головой пледом. «И все-таки почему Виктор меня не ищет?» Этот вопрос, словно заноза, сидел в ее голове и не давал спокойно ни есть, ни пить, ни лежать. И ответ напрашивался только один – мужчина погиб. С другой стороны, в списках погибших Жданова не было, и здесь Голубеву осенило, да так, что она даже села на кровати: «А неопознанные тела есть?» Только как об этом спросить?

Голубева в отчаянии махнула рукой как раз зашедшему в палату санитару.

– Мисс, – молодой мужчина держал в руках поднос. – Обед.

Голубева отрицательно замотала головой, у нее уже только от одного вида каши начиналась истерика.

– Обед, – настойчиво произнес парень, составил еду с подноса на прикроватную тумбочку и ушел. А Голубева так и не успела задать вопрос о неопознанных телах. Посмотрев на поднос, она передернула плечами, но потом, подумав, выпила кашу и сделала глоток сока. «Чтобы жить, надо есть, хотя бы время от времени». Елена решила, что умирать ей еще пока рано.

После обеда Голубеву вызвали к врачу, который придирчиво осмотрел ее руки и скептически покачал головой.

– Один месяц, – бросил он по-английски, и тогда ей стало совсем плохо. «Сколько? Месяц?! Да я с ума здесь сойду!» Слезы невольно навернулись на глаза, чтобы не расплакаться при враче, Голубева быстро вышла из кабинета и вернулась в палату, там она легла на кровать и уставилась в потолок. Необходимо найти положительные стороны в этой ситуации, иначе еще месяц подобной пытки неизвестностью ей не выдержать.

«Первый и неоспоримый плюс: я жива, – начала Елена, – в противном случае у меня не было бы сейчас шанса рыдать и проклинать судьбу. Второе: я не калека. Спасибо Господу! Челюсть скоро срастется, руки заживут, а в остальном все в порядке. Третье...»

Она глубоко задумалась, так как все плюсы, высосанные из пальца, закончились, и пришлось «копнуть еще глубже». «Ага, значит, третье: я похудела. Это, несомненно, тоже плюс.

Были у меня парочка лишних килограммов, в основном на попе, а теперь любая модель позавидует моей фигуре», – Голубева из последних сил настраивала себя на позитив.

«Интересно, а загорать мне можно?» – ей в голову пришла отличная идея. Лена решительно встала с кровати и отправилась в парк при госпитале, который до этого игнорировала по причине полного отсутствия желания видеть хоть кого-либо из людей. По дороге она прихватила парочку газет, решив заодно и выучить, конечно, насколько это будет возможно, английский язык. Какой смысл лежать и реветь, глядя в потолок, если можно сделать хоть что-то полезное для себя любимой?

Голубева вышла на улицу, удобно устроилась на длинной больничной лавке, подставляя под солнечные лучи голые ноги и лицо.

«Значит, так... – она развернула в газету и уставилась на совершенно непонятные слова. – И все-таки почему Жданов меня не ищет?»

Глава 11

Ладони были словно мокрая бумага, белые и сморщенные, да еще и на фоне загорелых рук, и смотрелись, словно хорошие, «натуральной кожи», перчатки. Однако Голубева была безмерно рада даже этому: три дня назад с нее наконец-то сняли гипс, а сегодня сняли с челюсти аппарат.

– Все хорошо! – ее осматривал целый консилиум врачей. – Вот только говорить вам еще парочку недель нельзя, это точно!

Однако эта новость Голубеву ни капли не расстроила. Лена нашла массу преимуществ в безмолвной жизни: нет возможности сболтнуть что-либо лишнее, что она раньше делала постоянно; да и ляпнуть, не подумав, тоже нереально.

– Мисс, – к ней подошла женщина в деловом костюме, – я знаю, что вы до сих пор не можете говорить, но ведь писать вы теперь можете? – она протянула ей карандаш. – Из какой вы страны? Ваша фамилия? Понимаете, – она холодно улыбнулась, – я из комиссии по расследованию теракта. Меня зовут Даяна, – женщина протянула Голубевой руку, которую Елена чрезвычайно осторожно сжала своими голубыми пальцами. – До сих пор ваши лечащие врачи не разрешали мне с вами общаться по причине вашего непростого душевного состояния, – она снова улыбнулась. – Я все понимаю, посттравматический синдром, но тянуть больше некуда.

Елена кивнула, она уже отлично понимала английский язык, осторожно, словно гранату, взяла карандаш в правую руку и несколько коряво написала латинскими буквами «Россия, Елена Викторовна Голубева», а ниже приписала «Жданов Виктор Сергеевич жив?»

Когда Елена протянула бумажку женщине, та буквально впиалась в нее глазами:

– Голубева? Вы уверены?

Лена пожала плечами и утвердительно кивнула головой.

– Ок, – Даяна снова протянула Голубевой карандаш. – Если можно, фамилии, адреса и телефоны родственников.

Но Елена отрицательно мотнула головой.

– Почему? – удивилась женщина.

Гораздо увереннее, чем минуту назад, Голубева вывела на бумаге: «У меня никого нет. Обратитесь в Российское консульство, мне необходимы документы и деньги на билет до России. Что со Ждановым? Виктор Сергеевич Жданов мой будущий муж, он жив?»

– Не понимаю, – Даяна пожала плечами. – Ваш английский ужасен, напишите на родном языке, а я дождусь переводчика.

Голубева утвердительно кивнула и, немного подумав, дописала: «Мне нужны теплые вещи. В России сейчас зима».

Глава 12

Голубева вышла из здания аэропорта и со щемящей любовью оглядела близлежащие серые, безликие дома родного города. Затем она подняла лицо к небу и с удовольствием почувствовала, как на щеки падают легкие снежинки. «Как же я скучала!»

– Такси? – бойкий паренек подскочил к Голубевой и улыбнулся. – Руссо туристо?

Девушка молча пожала плечами, говорить Елене было нельзя.

– Немая или иностранка? Какой загар! – восхищенно присвистнул парень и снова улыбнулся. – Поедем, красotka, кататься?

Лена не выдержала и хихикнула, затем протянула пареньку заранее приготовленную бумажку с адресом съемной квартиры, в которой они жили вместе с Виктором. «Красotka!» Елена машинально поправила скромную курточку и темные джинсы, выданные ей для возвращения домой.

После того разговора с Даяной они еще целых две недели проверяли ее скромную персону. Сверяли какие-то данные, сто раз просили подписать различные документы и только сегодня утром выдали справку, заменяющую ей паспорт, и авиабилет до родного города.

Голубева села в старенькую «девятку» и уставилась в окошко. Как же она волновалась! Лихо домчав Елену по указанному адресу, паренек молча взял у нее деньги и, не сказав ни слова на прощание, уехал.

«Обиделся!» – решила Голубева и подошла к подъезду. На ее счастье, железная дверь в подъезд оказалась открытой, а на ручке болталась криво прилепленная записка: «Дверь не закрывать! Ждем врача!» На второй этаж Голубева взлетела почти мгновенно и с замирающим от волнения сердцем нажала на кнопку звонка.

Дзинь! Дзинь! – этот звук просто выматывал ей душу. Еще минута, и казалось, что у Голубевой просто разорвется сердце.

Но за дверью была тишина, и Елена уже разволновалась не на шутку: неужели Виктора еще нет дома? И где он, когда рабочий день уже давно закончился?

Дзинь! Дзинь! Дзинь! – она с остервенением давила на несчастную, ни в чем не повинную кнопку.

У Голубевой задрожали руки, недолго думая она позвонила в дверь соседней квартиры.

– Кто? – баба Клава, премилая старушенция, которой Лена в свое время пару раз помогла донести сумки, замерла у двери.

Голубева нажала на звонок еще раз и из последних сил улыбнулась в «глазок».

– Матерь Божья, – баба Клава распахнула дверь и перекрестилась. – Никак Ленка?

Голубева с облегчением выдохнула и улыбнулась еще раз.

– Точно, Ленка! – словно не веря своим глазам, пожилая женщина дотронулась до нее рукой. – Да как похудела! Волосы отрастила! Ты где была-то?

Голубева развела руками и показала на губы.

– Говорить не можешь? – догадалась баба Клава.

Голубева кивнула.

– Вот беда! – женщина всплеснула руками. – Чего хочешь-то, Леночка?

Голубева указала рукой на дверь и пожала плечами, всем видом как бы спрашивая: «Где Виктор?»

Однако баба Клава поняла ее пантомиму по-своему:

– Ключи, что ли, потеряла? Так у меня ж есть ключи твои, помнишь, ты мне давным-давно оставляла, – женщина провела Елену в маленькую прихожую, а сама тяжелым шагом ушла в комнату. – Твоему я их не отдала, паразит он этакий.

Голубева, привыкшая к тишине и покою, уже устала от такого потока информации. Почему Виктор паразит, она решила не уточнять, а вот тот факт, что она сама ключи бабе Клаве оставила и сама же об этом забыла, ее сильно расстроил. Они тогда только с Виктором это жилье сняли, квартира, конечно, была не ахти какая, двухкомнатная, район не престижный, но в тот момент ничего лучше просто не было, а им не терпелось начать жить вместе. Голубева вспомнила, как Виктор тогда сказал: «Мы здесь ненадолго, потом переберемся в мой скромный домик». Он как раз достраивал двухэтажный коттедж за городом, и Елена, конечно, согласилась. Пару месяцев можно пожить и в съемной квартире. Но стоило им перевезти сюда вещи, как буквально на следующий день «полетела» батарея, залив добрую половину комнаты горячей водой. Вот тогда-то Лена и познакомилась с бабой Клавой, и ключи ей запасные отдала от квартиры, и деньги оставила, и очень попросила разобраться со слесарями и убрать потом комнату. И вообще следить за сантехникой и прочими «бытовыми» удобствами, не хватало еще, чтобы газовая плита на воздух взлетела, пока они с Виктором на работе.

– Вот ключики-то, – баба Клава протянула ей два ключа. – Вот и пригодились они тебе, значит, не зря ты их мне на сохранение оставила.

Голубева измученно улыбнулась и прижала руку к сердцу.

– Да ладно, – баба Клава мялась на месте, словно решала, сказать или не сказать, а потом махнула рукой. – Не буду я тебе ничего говорить, вона ты и так как палка, сама разберешься. Ежели чего, заходи, всегда буду рада.

А затем она практически силой вытолкнула Елену за дверь. Голубева несколько озадаченно пожала плечами, «тонкие» намеки бабы Клавы, типа «паразит твой», «и ничего говорить тебе не буду», «и сама разберешься», окончательно ее расстроили. Из всего вышеизложенного как минимум следовало, что ей есть в чем разбираться.

Голубева вставила ключ в замок и открыла дверь – темная прихожая и тишина, Елена судорожно включила свет. Все, как раньше: вешалка справа на стене, ботинки Виктора посредине прихожей. Лена облегченно выдохнула и прошла в зал: та же мебель, ковер на полу, и даже подушка, как обычно, валяется в кресле. Ничего не изменилось.

Голубева скинула куртку и легла на диван.

«Я дома, дома, дома!» Ей до сих пор не верилось, что все уже позади. Она стянула через голову свитер, сбросила джинсы и пошла в ванную. Лене не терпелось смыть дорожную грязь, натянуть свои вещи, привести себя в порядок и встретить Виктора с работы. Голубева, конечно, очень жалела, что у нее нет сотового телефона, да и номер Жданова она наизусть не помнит, иначе давно бы позвонила. Прямо из госпиталя, где узнала, что Виктор Сергеевич Жданов жив. Да, можно было набрать номер Центра, который Елена помнила наизусть, но Голубева почему-то решила этого не делать. Она только представила себе, какой крик поднимется в Центре, и сразу передумала. «Только бы у него приступ от счастья не случился, – внезапно забеспокоилась Елена, заходя в ванную. – Наверное, мне следовало его предупредить заранее, позвонить по телефону, – снова начала размышлять она и тяжело вздохнула. – Я не могу говорить, какие звонки, о чем я думаю? Похоже, мне предстоит долгий период реабилитации». – Голубева зашла в ванную и зажгла верхний свет.

Он был очень красивый. Небесно голубого цвета, с алой вышивкой по бокам и гламурными полосками на чашечках. Бюстгальтер был, несомненно, хорош, но это был явно не ее бюстгальтер. Небрежно брошенный на стиральную машину-автомат, он смотрелся, словно инопланетный пришелец. Голубева ошарашенно огляделась вокруг и уставилась на зеркало, висящее над раковиной. Вся полочка у зеркала была заставлена всевозможной косметикой, кремами и гелями, скарбами и масками – Елена рассеянно повертела в руках несколько баночек. Несомненно, у новой женщины Виктора хороший вкус.

Голубева опустилась на пуфик, затем снова встала, ее колотила нервная дрожь. Она вылетела из ванной и рванула на себя дверцу шкафа. Так, куча женских тряпок, новых женских тряпок, и ни одной ее вещи.

Она просто застыла посреди комнаты, полуголая, в одних казенных трусиках, вся покрытая «гусиной кожей» от холода и волнения. Наконец, первоначальный шок прошел, она оделась, так и не приняв душ, умылась холодной водой и вышла из квартиры. Немного замешкавшись, Елена снова позвонила в дверь бабе Клаве.

Соседка открыла почти мгновенно, из чего Голубева сделала вывод, что пожилая женщина все это время и не отходила от двери. Скорее всего, она прислушивалась к происходящему в их с Виктором квартире.

– Чего ты хотела, Леночка? – женщина смотрела на нее понимающе – сочувственно.

Елена прижала палец к губам и протянула ей ключи от квартиры.

– Твоему ничего не говорить? – догадалась баба Клава.

Голубева утвердительно кивнула и, поцеловав женщину в сухую, сморщенную щеку, почти бегом кинулась вниз.

До Ларисы она добралась только к ночи.

– Кто там? – подруга скорее всего уже спала.

Голубева тяжело вздохнула и нажала на звонок еще раз.

– Кто там? – к двери подошел ее муж.

Елена тихонечко поцарапала косяк и громко вздохнула. Дверь тут же распахнулась, и заспанная Лариса удивленно вскрикнула:

– Ленуська?!!

Она обняла ее, а Голубева почему-то расплакалась.

Глава 13

– Еще коньяк, – Лариса повернулась к кухонному гарнитуру, а потом сразу же взглянула на Елену. – Да?

Голубева с грустной улыбкой кивнула. На кухне у Ларисы они сидели уже два с половиной часа, и между ними на столе лежал полностью исписанный тетрадный лист.

– Я, когда тебя увидела, – Лариса шумно выдохнула воздух, – чуть не померла. Мы ж все уверены были, что ты... – она кашлянула. – Господи, как я рада, что ты живая!

Елена снова грустно улыбнулась. Она взяла листочек и коряво написала:

«Он хоть переживал?» – и пододвинула лист Ларисе.

Женщина подняла на нее глаза:

– Очень, он так плакал!

Голубева сделала удивленный вид и усмехнулась.

– Seriously, – Лариса сжала пальцы, – он, когда вернулся из Турции, сразу же в офис поехал. Мы, конечно, кинулись к нему, по телевизору «Новости» смотрели, там про теракт показывали. Мы надеялись, что вы далеко где-то. А когда Виктор Сергеевич приехал, мы к нему бегом. Что? Да как? Где ты? А Виктор Сергеевич как заревет, в голос! Мне до сих пор плохо.

Голубева с интересом разглядывала вилку.

«Давно он с ней встречается?» – она снова придвинула листок к себе, а потом передала его Ларисе.

– Да у него много всяких женщин, – Лариса спохватилась. – Это же все от горя!

«Странно. – Елена продолжала рассматривать вилку с таким неподдельным интересом, словно она была древним сокровищем инков. – Как быстро забывается любовь всей жизни», – размышляла Голубева, вспоминая слова Жданова.

– Он же мужчина, ну, попереживал месяц и снова в бой, кругом полно незамужних и красивых, готовых скрасить быт на практически любых условиях, – Лариса терпеливо объясняла Елене народные истины.

Елена все это понимала, но все равно обидно было до слез.

– Что ты решила? – Лариса подняла пузатый бокал. – Давай выпьем за тебя...

Они, не чокаясь, пригубили.

– Ты решила сообщить ему о том, что ты жива? – Лариса аккуратно отрезала кусочек домашнего пирога.

Голубева отрицательно помотала головой.

– Нет? Но это же жестоко, по меньшей мере! – Лариса возмущенно всплеснула руками. – А вдруг он до сих пор убивается по тебе?

Елена так громко хмыкнула, что обернулся даже кот, сидящий рядом на холодильнике.

– А кто знает? – Лариса тяжело вздохнула.

Голубева вспомнила гламурный бюстгальтер и криво ухмыльнулась: «Ну-ну».

– Я могу девчонкам сказать, что ты жива? – Лариса заметила, что Елена ее не слушает, и сменила тему.

Елена кивнула и снова пододвинула лист к себе.

«Только Марианне не говори», – написала она.

– Конечно, – Лариса раскраснелась. – Тогда лучше вообще никому не говорить, иначе весь офис узнает. Ты решила никогда ему не сообщать о своем воскрешении? – Лариса никак не могла в это поверить.

«Потом», – Голубева махнула рукой, так как писать уже было негде.

– Что? – не поняла подруга. – Напиши, – и она пододвинула ей новый листок бумаги.

«Потом», – написала Елена.

– Понятно, – грустно произнесла Лариса. – Ты знаешь, когда он показал нам официальное извещение о твоей гибели, мы с девочками чуть с ума не сошли. А оказалось, что твоя сумочка с документами просто была в руках у другой женщины. Татьяна, да? Она, бедняжка, погибла, прижимая твою сумочку к груди, вот все и решили, что Таня Вертинская – это Елена Голубева. И ведь надо же, ты даже не догадалась посмотреть «женские» списки погибших, иначе бы сразу обнаружила себя там. И не пришлось бы всем нам столько времени считать тебя... – она замешкалась, уж очень не хотелось еще раз произносить это страшное слово вслух. – А муж Тани, он тоже погиб?

Лариса пыталась восстановить хронологию произошедшего, всего того, о чем Голубева ей написала еще два часа назад в общей тетради, заполнив почти половину страниц.

«Да, его я увидела в списках первым! – ответила Елена. – Можно я у тебя останусь, уже поздно, а завтра решу, что мне делать дальше? Мне завтра нужно уехать в санаторий, голосовые связки долечить и подумать обо всем. Когда вернусь, сниму квартиру».

– На что ты собираешься ехать? – Лариса проигнорировала вопрос о ночлеге.

«У меня есть сбережения», – написала Елена и громко шмыгнула носом. Предательские слезы стояли в горле, она из последних сил старалась не разреветься прямо сейчас. Елена знала, что лучший способ остановить истерику – это выпить стакан воды. Воды не было, был сок. Не чувствуя вкуса, Голубева пригубила его и попыталась взять себя в руки. После ее возвращения домой вся жизнь пошла кувырком. И предательство Виктора, и в офис теперь, получается, вернуться уже нельзя, потому что Жданова она больше видеть не могла. Выходит, она потеряла не только любимого человека, но и любимую работу, а это уже был удар ниже пояса. Голубева вспомнила, что в последние дни у нее было так тяжело на душе, что и словами не передать. Находясь в госпитале со сломанной челюстью и перебитыми руками, она думала, что все самое страшное уже позади. А оказалось, что все только начинается: ни работы, ни квартиры, даже вещей нет...

«Кстати, – Голубева пододвинула лист и написала, – а где мои вещи, ты не знаешь?»

Лариса прочитала и понимающе кивнула головой:

– Не переживай, все нормально. Виктор все твои вещи держит в офисе, на складе. Там, если я не ошибаюсь, пять твоих сумок и узлов. Он не знал, куда их деть, родни-то у тебя в этом городе нет. Ну и решил пока оставить на складе.

«Что ж они ему так дома-то мешали? – написала Лена и горько хмыкнула. – Пугали новых подружек?»

Лариса отвела глаза:

– Ты извини, но переночевать у меня не получится. У меня муж не любит чужих людей, понимаешь? Дать тебе денег на гостиницу?

«У меня есть», – Голубева встала из-за стола.

– А я тогда перевезу твои вещи к себе, – Лариса запнулась. – Виктору скажу, что объявилась твоя родня, да?

Лена кивнула.

– Ленка! – Лариса подошла к Голубевой и крепко ее обняла. – Мы тебя очень любим, ты не переживай. Ты умница и красавица, и все у тебя будет хорошо.

Голубева снова кивнула и поскорее вырвалась из объятий подруги. Все-таки слезам удалось прорваться наружу, но Елена была уже в подъезде.

Глава 14

Вот уж к чему Голубевой было действительно не привыкать, так это начинать новую жизнь. Интересно, это было ее проклятием или хобби? Она довольно часто меняла обстановку, друзей, а порой даже любимых. За плечами уже были: один неудачный брак и один удачный развод, парочка «романов века», Виктор (который шел отдельной строкой) и незаконченное высшее образование, закончить которое у Елены почему-то постоянно не хватало ни времени, ни денег.

– Значит, делаем мне рыжие волосы, просто огненные, – Голубева пристально рассматривала свое отражение в зеркале салона красоты. – Да, и еще я хочу длинные волосы. Просто до лопаток. Это можно?

– Естественно, – мастер улыбнулась. – Сейчас наростим сантиметров двадцать – двадцать пять – и делу край.

Впервые за последнюю неделю Голубева искреннее улыбнулась:

– Это замечательно!

Кризис миновал, и хотя у нее на душе до сих пор скребли кошки, да и говорить она начала по собственной инициативе, проигнорировав предупреждения врачей, зато настроение заметно улучшилось. И еще Голубева точно знала, что самое надежное средство начать новую жизнь – это изменить собственную внешность до неузнаваемости. Конечно, можно реветь в подушку – тоже вариант, только жизненный опыт ей подсказывал, что можно уречься до колик, а все равно ничего не изменится.

В сумочке у нее лежала путевка в приличный санаторий, два чемодана с вещами ожидали в камере хранения. Поезд отходил через четыре часа.

Когда мастер закончила, Голубева даже присвистнула от удивления – она и не знала, что ей так пойдут длинные рыжие волосы.

– Красотища! – восхищенно выдохнула парикмахер и всплеснула руками. – Обалдеть!

– Я тоже так думаю, – призналась Лена и поднялась с кресла.

...А в купе их оказалось трое. Голубева, мужчина «чуть за сорок» и его юная спутница. Слишком юная, если уж быть откровенной до конца. Пигалице было лет 16, она постоянно висла на мужике и целовала его в щеку. Елену передернуло. Все ясно, «богатенький Буратино» и его «зеленая» потаскушка.

– Ой, Дима, смотри какая красивая собачка! – то и дело верещала девочка, тыча пальцем в окно на какую-нибудь облезлую дворнягу, снующую возле железнодорожного полотна. А у Голубевой скулы сводило и от ее визга, и от внешнего вида, и даже от ее запаха. Полная, с дурацким «мышинным» хвостиком на голове, слишком много косметики и мало одежды – так, коротенькая юбочка и обтягивающий (было бы что обтягивать!) топ. И на зубах украшения, Голубева никак не могла вспомнить, как они сейчас называются, а раньше это уродство именовалось «скобы» для выправления зубов.

Елена мрачно уткнулась в детектив, который купила в привокзальном киоске.

– Разрешите?

Дима, или как там его, присел напротив и выставил на столик два стакана и бутылку вина.

Елена безразлично дернула плечом и снова углубилась в чтение. «Сейчас еще мне оргию здесь устроят», – мрачно подумала она, пристально вглядываясь в знакомые буквы. Вот именно, «вглядываясь». Она еще не прочитала ни слова, а в голову снова полезли грустные мысли и рассуждения. «Ну почему мне так не везет? Как Виктор мог забыть меня всего за два месяца! Он не только выкинул из квартиры все мои вещи, но уже водит в нее разных девиц. Как будто меня и не было никогда...»

Голубева шмыгнула носом, поправила прическу и решительно отогнала от себя липкие депрессивные мысли.

Между тем сладкая парочка опрокинула по стаканчику, затем бутылку спрятала и принялась за беседу, видимо, слишком давно не разговаривали. Елена исподтишка разглядывала девчонку и ужасно злилась, как будто эта юная жрица любви виновата в том, что ее не дождался с того света любимый человек и грандиозно быстро нашел ей замену на всех фронтах.

– Давайте знакомиться! – Дмитрий прервал ее печальные размышления и протянул руку. – Меня зовут Дима, это Юля.

– Лена, – Голубева выдавила из себя подобие улыбки. – Очень приятно!

– Нам тоже, – пропищала пигалица. – Все-таки Новый год вместе будем встречать!

А ведь точно! Голубева мысленно стукнула себя кулаком по лбу – ведь им придется вместе встречать Новый год!

– Леночка... – Дмитрий пододвинул к ней открытую коробку конфет. – Можно я буду вас так называть?

«Куда тебе вторая?» – усмехнулась про себя Голубева, но вслух ответила:

– Конечно, Димочка.

Мужчина несколько оторопел, но взял себя в руки:

– Вот и отлично! Что будем пить в новогоднюю ночь?

Эта Юля тоже загалдела, засмеялась, а потом вдруг выдала:

– Лена, а вы очень красивая, правда, Дима?

Теперь уже опешила Голубева. Вот те раз, точно, извращенцы!

– Спасибо, – ответила Елена напряженно.

Дима куда-то сбегал и принес бутылку коньяка и бутылку газировки.

– Мы с Леной – коньяк, ты, – он поцеловал девчонку в шею, – газводу.

Голубева подумала, что девчонка сейчас возмутится, устроит скандал, но вместо этого Юлька просто кивнула. Надо же, пить коньяк мы, оказывается, еще маленькие, а спать с мужчиной втрое старше себя – это нормально!

«Прекрати! – одернула саму себя Голубева. – Ворчишь, словно старуха! Да кому-кому, но не тебе читать лекции о морали! У самой сколько мужчин было? Ага. Вот и молчи в тряпочку». Мысленный диалог с совестью был проигран, и Елена, наконец, немного расслабилась.

На закуску у них были только конфеты и гора фруктов. Опять-таки полигамный Дима постарался. Пили они быстро, словно куда-то торопились, и поэтому к заветным двенадцати часам Голубева была сильно «хорошая».

– За Новый год! – Дима поднял очередной бокал.

– За Новый год! Осторожно, Лена! – Юлька придержала ее одной рукой, когда поезд резко рванул вперед, и пьяная Елена чуть было не приложилась лбом о полку.

– Ага, – пробормотала Лена и вышла в коридор.

Дима вышел следом.

– У тебя что-то случилось? – он приобнял Голубеву за плечи и заглянул в глаза.

– А тебе-то что? – зло прошипела Лена, пытаясь удержать «плывущую» голову.

И тогда Дима поцеловал ее в губы. Они довольно долго целовались в тамбуре, потом Дима закурил, а совершенно пьяная Голубева начала рассказывать ему все свои беды.

– Так ты попала в теракт?! – Дима удивленно выпучил глаза. – Да ну! А я думал, там пока спокойно, у меня друзья отдыхали!

– Ага, я тоже думала, что там спокойно, – всхлипнула Елена, на пьяную голову ей было еще обидней за себя. – Грузовик, полный какой-то там дряни, взрывчатки, протаранил ворота отеля и взорвался прямо под нашим номером.

Глотая слезы и размазывая тушь по щекам, Елена выложила ему все. А потом начала реветь, и еще ее сильно затошнило. Дима поволок Голубеву в туалет, умыл ее и уложил на полку спать.

Глава 15

Голубева давно уже проснулась, но до сих пор лежала лицом к стене и прислушивалась к разговорам в купе. Так стыдно ей не было со времен туманной юности, когда в 16 лет ее мама застукала за кое-каким занятием с бойфрендом. Это надо же так напиться! Да еще и разреваться! И наговорить кучу ерунды! И, похоже, она с Димой целовалась!

Голубева мысленно схватила за голову. Скорее бы уж они вылезли, чтобы не встречаться с ними глазами! Ужасно хотелось пить и писать, но она мужественно терпела.

– Лена! – Юля присела к ней на полку и осторожно коснулась плеча. – С тобой все в порядке?

– Все хорошо! – буркнула Голубева. Ей пришлось подняться, потупив глаза, она взяла пакет с зубной пастой и мылом и вылетела из купе.

«Слава богу, что Диму я больше никогда не увижу», – мысленно поблагодарила Елена, пробираясь к туалету.

– Вот это рожа! – не то восхищенно, не то в ужасе произнесла она, взглядевшись в мутное отражение в зеркале и перекрестившись. От разводов туши ее щеки были серого цвета, глаза опухли, ресницы слиплись, а шикарные волосы спутались в огромное красное гнездо.

Она яростно поплескала на лицо ледяной водой, собрала волосы в хвост, побрызгала на грудь и руки. Почистила зубы. И принялась накладывать макияж, хотя бы тональный крем и губную помаду.

В дверь уже третий раз настойчиво постучали, сложилось такое впечатление, что ее местами даже пробуют на зуб, и потому Голубевой пришлось выйти. Поезд как раз приближался к небольшому городку, до которого, как она слышала утром, и добирались Дима с Юлей. Решив, что лишняя встреча с соседями по купе в ее планы не входит, Елена встала у окна в коридоре и начала излишне внимательно рассматривать зимний пейзаж.

– Как ты? – Дмитрий оказался за ее спиной неожиданно, в одной руке у него была сумка, а в другой он держал дубленку.

– Нормально, – буркнула Елена, не поворачиваясь.

– Лена, – мужчина тяжело вздохнул, – у меня к тебе просто совет: никогда больше так не напивайся в незнакомой компании. Это твое счастье, что я оказался порядочным человеком, а то женщина ты красивая...

И тут, как говорится, «Остапа понесло».

– Это ты-то порядочный человек?! – противно взвизгнула Голубева, заливаясь краской от стыда. – Спишь с девочкой, которая тебе в дочери годится! А туда же, еще советы даешь!

– Эх, Лена-Лена, – Дима так это произнес, что Голубева прикусила язык.

– Пап! Дим! Ты скоро? – Юлька выглянула из купе и уставилась на них. – Лен! Как ты? Папа сказал, что ты вчера отравилась коньяком, бедная. Ничего, это бывает. Знаешь, я прошлой зимой так кефиром отравилась, страшно вспомнить!

Юлька продолжала что-то лепетать, а Елене просто под землю захотелось провалиться. Это же надо такого натворить, так опозориться!

– Всего хорошего, – ледяным голосом произнесла Голубева и поспешила вернуться в купе.

Наконец поезд остановился, а пассажиры высыпали из вагонов. В окно Елена видела, как Дима с дочерью направляются к зданию вокзала, еще мгновение, и они скрылись за дверью и навсегда исчезли из ее жизни. Голубева облегченно выдохнула.

– Что ж, – произнесла она, заметно оживляясь, – значит, придется начать новую жизнь со второго января.

Елена принялась собирать разбросанные по купе вещи, ее станция была ровно через полтора часа.

Глава 16

Не сказать чтобы Голубева ожидала от российского санатория уж слишком много, но то, что она увидела, повергло ее в шок. Нет, и корпуса были хорошие, и номера приличные, и даже холодильник в комнате, а в душе горячая вода, но здесь обитали ТОЛЬКО пенсионеры. Ни одного живого существа моложе шестидесяти лет она пока не встретила.

– Значит, отдохну и телом, и душой, – смирилась Елена и потрогала шею. Надо признать, ей опять стало гораздо хуже, да и говорила она теперь с трудом. Пришлось забросить вещи в номер и сразу же отправиться к дежурному врачу.

– Что же вы, голубушка, – белокурая врач посмотрела на Голубеву с укором, – так горло-то застудили, да еще при ваших травмах? А спиртные напитки вам категорически запрещены, мороженое, чай горячий, кофе вообще нельзя. А холодный воздух! Вы что, пели на улице?

Голубева вспомнила пьяный монолог в холодном тамбуре и промолчала.

– Значит, так, – врач вздохнула. – Я понимаю, что праздники и все такое. Но вот вам направление на уколы, это на физиолечение, и больше ни слова вслух, пока я вам не разрешу. Надеюсь, остаться немой на всю жизнь не входит в ваши планы?

Лена отрицательно помотала головой и, еле волоча ноги, вышла из кабинета.

– Не опоздайте на ужин, деточка, – какая-то пожилая, но жутко энергичная пара обогнала Голубеву в коридоре.

За столиком их было трое: Елена и две тетушки «далеко за пятьдесят». Причем тетушки, как показалось Голубевой, выглядели гораздо жизнерадостней и оптимистичней, чем она.

Елена вернулась в номер и легла на кровать. В дверь постучали. Сначала она хотела крикнуть: «Кто там?», но потом вспомнила предостережения врача и заставила себя сползти с постели. Открыла дверь и вопросительно уставилась на дежурную по этажу.

– Спуститесь вниз. Сейчас там соберутся все отдыхающие, вам объявят правила и распорядок, предлагаемые услуги, а потом, если не захотите остаться на праздничный вечер, вернетесь в номер.

Голубева тяжело вздохнула и кивнула. Когда она спустилась вниз, в фойе уже было много отдыхающих. Нарядно одетые бабушки и дедушки неторопливо прогуливались между кадками с фикусами и оживленно вели светскую беседу. Голубева зашла в актовый зал и села на первое попавшееся место.

Пенсионеры вокруг галдели и веселились, словно подростки. Затем, как в театре, прозвучал третий звонок, народ притих, и на сцену вышла администрация санатория. Обычная приветственная речь плавно перетекла в празднично-поздравительную. В этом месте Голубева решила, что с нее хватит, и, согнувшись в три погибели, поползла к выходу.

На этаже она снова столкнулась с дежурной.

– Уже все? – удивилась настырная тетка.

Голубева только кивнула и прошмыгнула в номер. И снова завалилась перед телевизором. Одна реклама сменяла другую, а Елена внезапно захотела чаю. С малиной. Чай с собой был, именно малиновый «Гринфилд», только не было кипятильника. Но от одной мысли о том, что снова придется спуститься в празднично-восторженную толпу пенсионеров, тусующихся в столовой, захотелось повеситься.

«Поклянчу у соседей, – решила Елена, – старички – они жутко запасливые, быть не может, чтобы ни у кого не нашлось кипятильника!»

Голубева открыла дверь и постучала в соседний номер. Тишина. «Гуляют на празднике», – догадалась девушка и перешла к следующей двери. Результат тот же. И только в конце коридора до нее из-за двери донесся ленивый мужской рык:

– Чего надо?

Она снова постучала.

– Что?

И снова стук в дверь.

– Чего вы тарабаните? – дверь отворилась. – Говорить разучились?

Мужчина прервался на полуслове и до такой степени вытаращил глаза, что Голубева даже испугалась за его душевное здоровье.

– Лена? Что ты здесь делаешь?! – выдохнул мужчина, опираясь на косяк. Он стоял в расстегнутой голубой рубашке, в синих «трениках», а в руке у него была бутылка пива. И это был Дима, ее сосед по купе.

Голубева молча пожала плечами и рассмеялась.

Глава 17

– Только не говори мне, что ты разом онемела, – Дмитрий глотнул еще пива, а Елена молча пожала плечами и потянулась к блокноту. – Помню, в тамбуре ты такая разговорчивая была! – хохотнул он, и она запустила в него подушкой.

– Молчу, молчу. Пиши, – примирительно забормотал Дима, пряча от нее веселые глаза.

«Куда дочку дел?» – нацарапала ручкой Голубева и пихнула блокнот мужчине. Они уже целый час сидели в номере Елены, пили чай и пиво и беспрерывно смеялись.

– Так к матери отвез, – Дима поднял на нее глаза. – То есть к бывшей жене, Юлька у меня в каникулы обычно гостит. Дочку отвез, а сам потом на машине до санатория добрался.

«Здесь одни пенсионеры, – написала Лена и пожала плечами, – ты-то что здесь делаешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.